

Белорусские народные сказки

Каня

Давно это было, в самом начале света, когда земля была ещё недоделанной. Были на ней горы, долины, леса и поля, но не было ни рек, ни озёр, ни криниц с холодной водой. Людям было ещё так-сяк: выкопают глубокий колодец, достанут воды и живут себе припеваючи. А вот зверям и птицам как? Ведь не побежишь, если захочешь пить, к далёкому морю, а лужи после дождя быстро высыхают, вода в землю уходит. И собрались звери и птицы на большое собрание, чтобы решить, что делать. Долго думали, так и сяк прикидывали и решили выкопать большие водоёмы, озёра, прокопать реки и ручьи, выкопать криницы. И пока будут работать, чтобы ни волк ягнёнка, ни коршун цыплёнка, ни лиса зайца не тронули. И все согласились с этим. Одна только каня-пигалица возомнила что-то о себе: на длинных ногах похаживает, белую грудку поглаживает.

— Вас,— говорит,— и без меня много. У меня когтей нет, ноги тонкие, где мне ими землю рыть? У меня перышки белые, ещё испачкаюсь. Да и не привыкла я по земле бегать. То ли дело в небе купаться, тут я, как дома у багюшки.

— Так что ты,— возмутились звери и птицы,— хочешь, чтобы мы на тебя работали?

— А я вас и не прошу,— заносчиво отвечает каня, — роса опадёт, я с листочка напьюсь, дождик пойдёт, крылья у меня быстрые, я на лету капель наглотаюсь. Много ли мне той воды надо?

Видят звери и птицы, что вносит каня разлад в большое собрание, может погубить всё дело, если найдутся ещё такие охотники. И постановило большое собрание зверей и птиц проклясть каню страшным проклятием:

— Чтобы никогда каня, ни весь род её не пили воды ни из рек, ни из ручьёв, ни из озёр, ни из криниц, ни из самого моря синего.

А сами взялись за работу. Кроты под землёй водяные жилы искали. Медведь корчи корчевал, камни выворачивал. Дикие свиньи рвы рылом рыли. Куропатки землю разгребали. Ласточка первая землю в клюв взяла, отнесла его на пригорок и высыпала. А за нею и все остальные птицы землю в клювах носить стали из будущих речных русел. Долгие годы работали они, пока по всей земле реки и озёра выкопали, землю из них по крупинке на пригорки вынесли. Зато настала и для них жизнь хорошая: где хочешь живи, где хочешь деток расти, вода везде есть. И так привыкли они к тем местам, где вместе работали, что и селиться стали чаще всего возле воды, а гуси, утки, чайки, а из зверей — бобр, выдра и многие другие и вовсе на воде жить остались. Каня тоже возле воды поселилась. Только если бы и хотела она напиться воды из реки или криницы — не может: застрекает вода в клюве у неё. Только тогда и может она напиться, когда капля росы ей просто в горло скатится или дождевые капли прямо в рот попадут.

Если даже сушь случится, птицы и звери не горюют: пересохнут мелкие ручьи — большие реки и озёра останутся. А кане тогда горе горькое, и начинает она летать и канькать:

— Пить, пить, пить...

И канькает, пока дождь не пойдёт.

Вот почему, когда кани летают и пить просят, люди знают, что скоро дождь будет.